

ВЕЩЕСТВО СУЩЕСТВОВАНИЯ

Правильные фразы типа «гражданственность – талант нелёгкий» или «поэт в России – больше чем поэт» давно уже стали расхожей банальностью, тем более что порождены они были не столько душевным порывом, сколько идеологической установкой. Но обречённость поэта, – питать стихи болью своей души, вызванной вовсе не личными только переживаниями, потребность сказать: «за всех расплачусь, и за всех расплачусь» – никто, к сожалению, не отменял и не отменит.

Новой книге стихотворений поэт Татьяна Николаева предпосылает эпиграф из романа Андрея Платонова «Чевенгур»: «...надежда не может сбыться и бьётся внутри человека...» И на протяжении всей книги контрапунктом пойдут эпиграфы из этого романа к большому числу стихотворений. Драматизм судьбы и личности Платонова как писателя в том, что в своей прозе он – поэт, искренне убеждённый, что человеческая душа – это «вещество существования». Он был убеждён, что главная задача строительства социализма – это развитие души человека, это формирование человеческой духовности. В этом он никак не мог сойтись с советской властью и не был по-настоящему ни понят, ни прочитан. Тем более чужероден он современной капиталистической власти. Но стремление заглянуть в «сокровенного человека», тоска по «полному человеку» всегда влекла к нему думающего читателя, тем более – творческого.

Стихотворения новой книги Татьяны не публицистичны, не злободневны, не «остры», как сегодня говорят. Это лирика, но – лирика, рождённая глубоким, искренним, пронизанным мыслью переживанием современной действительности – с заметным креном в нашу городскую, кузбасскую жизнь. Кроме отдельных редких штрихов здесь нет «адресности», зато выражена атмосфера нашего общего бытия: как внутренне живём и чем дышим. Опять же, не о растерзанной природе, смоге и грязной Абушке речь, хотя они и упоминаются. Главное содержание книги, если вспомнить Маяковского, – «о времени и о себе».

А состояние души – сложнейшее, а время полно противоречий, которые заставляют помнить и думать, рождают образы и строки, может быть и спорные, но искренние. Как в стихотворении «Кандыки»:

«Пока кандыки расцветают в апреле —
лиловые звезды сквозь рыхлую талость
сокрытой под снегом земли — у Емели
осталась надежда.
Надежда осталась.»

Состояние души, когда «...не холодно, а грязно мне! Не больно, а темно!», порождено человеческой разобщённостью, тем, что «люди живут отдельно и не действуют, как гаснут дрова, не сложенные в костёр». (А. Платонов, «Чевенгур»). Смутно на душе, когда в горняцкий праздник

«Шахтёрский пригород украшен
По поводу. Играют туш.
А взгляд пронзителен и страшен
Из глубины сибирских душ.»

Грустно сознавать «век, одуревший от благ», видеть человека, у которого

«...сгорело прошлое дотла, —
дошёл до ручки:
в башке — компьютер, в сердце — ноль,
надежда — где ты?
О чём задумался, король
одетый?»

(согласитесь, убедителен такой вариант «голового короля»).

Невесело видеть, как

«...маленький мальчик
с портфеликом и при денежках,
вот ты выскакиваешь
в сковородку дня...
... сотовой грязью
в эфирную муть звеня...»

(единственное, пожалуй, сатирическое стихотворение в книге). Очень горько наблюдать, как «пушкинским благоговеньем веет // От собранной из школ макулатуры» и сознавать, «Что толпа 21-го века – // Это вовсе уже не народ...»

Как напоминание о слезе ребёнка, которая вобрала в себя все боли и обиды мира (Достоевский), звучит стихотворение с кратким и невероятно ёмким названием «Оно»:

«Нет печальнее повести этой:
снег нисходит, зажглись фонари,
зябко замерло в снопике света
чадо века с обидой внутри.

.....

До последнего мига на свете
не забуду, как сердце крестя,
вспоминает о солнечном лете
бесприютное, злое дитя.»

Очень важной смысловой частью книги стали стихи, посвящённые памяти любимого человека, художника, глазами которого смотрит теперь на мир лирическая героиня:

«Ведь была десять лет когда-то я синицей в твоей руке!»

Этот краткий цикл «Ты (памяти Виты)» вобрал в себя любовь, горе, раскаяние и благодарность, какие испытывает каждое женское сердце, пережившее трагедию утраты. Неслучайно здесь переключка с цветаевской силой страсти и горя:

«Только прости,
что случилось именно так:
я — синичка из рук твоих,
из кармана — пятак.»

У Цветаевой:

«Враз обе рученьки разжал, —
Жизнь выпала — копейкой ржавою.»

Ведома каждому думающему человеку и эта боль от утраты своей душевной цельности, полноты и крепости:

«А мы летали! Были мы прозрачными!
Ни нож, ни ложь не задевали нас.
Мы были для чего-то предназначены...»

Есть у этой книги ещё одна ценнейшая художественная деталь – это фотографии, сопровождающие текст. Как я уже сказал выше, в содержании стихов нет таких картин, сцен, фактов, которые бы несли какой-то обличительный заряд, это – лирические раздумья. Фотографии же создают видеоряд, который ещё как заставляет думать именно в контексте времени. Это фотографии-символы: мальчик, стоящий на высоком крутом обрыве, вроде нашей Соколиной горы, а под ним – огромная дымная котловина родного города (как платоновский «Котлован»). Это – его судьба... Мальчишки, сжигающие у школьного здания макулатуру – не читанные ими книги... Бабушка с внучкой, бредущие сквозь зимнюю непогоду... Дети, надувающие мыльные пузыри (своих иллюзий? – А.С.) на фоне огромного воздушного шара – пузыря... и другие. Сделаны они Владимиром Шабанковым.

Конечно, любой рационалист или «эффективный менеджер» скажет о преувеличенном пессимизме книги. Но. Это крик души, заставляющий думать. А «думать – это иметь или любить» (А. Платонов «Чевенгур»).

Анатолий Сазыкин,
доцент кафедры литературы КузГПА

Татяна Николаева

ВМЕСТО ИМЕНА
ВМЕСТО ИМЕНА
ВМЕСТО ИМЕНА

Новокузнецк, 2013